

Геннадий Авласенко

Звери о себе

**Научно-популярная книга для
читателей самого разного возраста**

От автора

Биолог, и даже зоолог по образованию, я, разумеется, очень люблю природу. И хоть учёным не стал, но многие мои книги именно о природе. И, в первую очередь, о животных.

А вот эта книга начиналась у меня с небольших очерков для одного из детских журналов. По просьбе редакции я в течение нескольких лет вёл на страницах этого журнала рубрику «Гость номера», в которой то или иное животное подробно рассказывало юным читателям о себе, а я, вроде как, у него интервью брал.

И вот, когда материала набралось более чем достаточно, решил я сотворить из него несколько книг, научно-популярных, разумеется.

В эту книгу, первую из серии «Мои необычные интервью», которую я назвал: «Звери о себе», вошли заметки лишь о млекопитающих, обитающих в нашей местности. Не обо всех, разумеется, лишь о самых известных.

А следующая книга о птицах будет... а потом и о прочих «братьях наших местных» постараюсь вам рассказать, уважаемые мои читатели.

Геннадий Авласенко

Люблю я с птичками да зверушками лесными разговоры разные разговаривать, а ежели точнее, интервью у них брать. Интересные они собеседники, и притом, столько нового о себе сообщить могут.

Вот с этой самой целью и решил я сегодня встретиться с...

А с кем — не скажу! Сами догадайтесь!

Маленькие охотники

Кто в нашей фауне летний мех на зимний белоснежный меняет? Заяц, скажете? А кроме зайца, кто ещё?

А вот это они и есть: горностаи да ласки, самые маленькие хищные зверушки, не только нашей природы, но и вообще, в масштабах всего земного шара.

Они, кстати, очень похожи внешне (узенькие, длинные, на очень коротких лапках). Да и окраска,

в общем-то, одинаковая: летний мех у обоих буроватый сверху и почти белый снизу, зимний же — сплошь белый. Вот только у горностая самый кончик хвоста чёрным остаётся, да и крупнее он значительно. В общем, присмотревшись, отличить можно...

Итак, назначил я им встречу на опушке лесной и сразу же туда засобирался. Одежда потеплее, встал на лыжи и на опушку. Только бы не опоздать!

Подкатываюсь к опушке — а там пусто! Запоздывают мои гости, хоть и обещали вовремя прибыть.

Стою, жду... а время идёт! Пять минут прошло, десять, пятнадцать... да сколько же их ждать?!

И тут слышу снизу, прямо со снега тоненький такой голосочек:

— Ну что, так и будем молчать?

Посмотрел я вниз: никого! Что за чудеса?!

И тут второй голосок раздаётся, не такой писклявый.

— Довольно невежливо с твоей стороны! — стрекочет этот таинственный голос. — Сам пригласил и сам же внимания не обращает!

Присмотрелся я на снег повнимательнее: да вот же они, гости мои долгожданные! Сами белые, снег белый... не сразу и разглядишь...

— Простите, уважаемые представители

славного семейства куньих! — несколько виновато пробормотал я. — Не заметил.

— Это потому, что мы маленькие, да?! — даже обиделась ласка.

— Маленькие, да удаленькие! — ещё более обиженно застрекотал горноста́й. — Толку, что сам вон какой вымахал! А слабо, мышь без мышеловки поймать?! Или, скажем, крысу!

— Да не потому не заметил, что маленькие! — начал оправдываться я. — А потому, что здорово маскироваться умеете!

— Это точно: умеем! — сменив гнев на милость, согласился горноста́й. — Не то, что некоторые...

— Да, кстати, а почему у тебя кончик хвоста чёрный? — спросил я. — Это же тебя выдаёт!

— Наоборот, жизнь спасает! — застрекотал горноста́й. — Если вдруг сова нападёт, она инстинктивно хватает за самое тёмное место, то есть, за кончик хвоста. А за него особо не ухватишь: выскользывает...

— Ну ладно, с этим разобрались, — сказал я. — Расскажите лучше, чем вы питаетесь?

— А всем! — лихо подбоченился горноста́й. — И мыши, и крысы, и рябчики в моём рационе! Да я и тетерева одолеть могу, и даже зайца!

— Зайца? — окинул я хвостуна недоверчивым

взглядом. — Ты, вообще-то, сколько весишь, охотник?

— Грамм 200–250, — сказал горноста́й. — А что?

— А то, что заяц-беляк килограмма 3–4 весит. Русак — и того больше! И бегают куда быстрее тебя! Ты что на них засаду устраиваешь?

— Устраиваю! — засмеялся горноста́й. — Только не на них, а для них! И не засаду, а представление! Понятно?

— Ничего не понятно! — сказал я. — Объясни!

— Тогда слушай! Заяц меня всерьёз не воспринимает из-за моих недостаточных, скажем так, размеров. А я этим пользуюсь. Начинаю на виду у косо́го представление разыгрывать. Прыгаю, кувыркаюсь, кругами бегаю... и всё ближе и ближе к жертве своей подбираюсь. А заяц смотрит на меня, глаза выпучив, и ничего понять не может. От волка или лисы давно б стрекача дал, а то, что я тоже опасен, понимать начинает тогда лишь, когда я острыми зубками вцепляюсь...

— Всё, хватит! — остановил его я. — Не будем о грустном! А ты, ласка, на кого охотишься?

— На мышей и полёвок! — грустно отозвалась ласка. — Ну, и крыс иногда... Учитывая мой вес всего в 40–50 грамм, больше мне никто не под силу...

— Да уж! — злорадно фыркнул горноста́й. — Где уж тебе мою добычу!

— Зато я мышей даже в норах настигаю! — тут же нашлась ласка. — Им от меня нигде не спрятаться! Ворвёшься, бывало, в мышиную нору...

— Ну вот, опять о грустном начали! — вздохнул я. — И сколько ж ты, ласка, за год мышей и полёвок уничтожаешь?

— В среднем, тысячи две! — с гордостью проговорила ласка. — Ведь, чем меньше размеры зверка, тем чаще он кушать должен! А, учитывая, что каждый мышевидный грызун до 10 килограмм зерна в год уничтожает — оцени-ка мою пользу!

— Польза несомненная! — вынужден был согласиться я. — А охотники тебя не обижают? Всё-таки, какой-никакой, а пушной зверёк...

— Её — нет! — вмешался в разговор горноста́й. — А вот меня раньше ещё как обижали! И кто это придумал обшивать королевские мантии мехом из горноста́я! Хорошо, что теперь мода переменялась, и даже короли современные такое уже не носят!

— Послушай, ласка! — вспомнил я вдруг одно старинное поверье. — А говорят, что ты по ночам кровь лошадиную пьёшь.

— Враки это! — обиженно запищала ласка. — Если иногда и заберусь на лошадиную гриву — то для того лишь, чтобы удобнее на мышей охотиться.

Знаешь, сколько их собирается в кормушках на дармовой овёс!

— Да, но ведь лошадь испугаться может? — возразил я. — А это нехорошо! Придёт утром хозяин, смотрит: лошадь вся в мыле, испуганно храпит, ногами топает... Ну, думает, опять домовой на лошади всю ночь катался!

— А это я! — весело рассмеялась ласка. — Да и когда такое было! В давние времена, когда у каждого хозяина своя лошадь имелась! А вообще-то, проголодалась я! Надо бы чуток подкрепиться, тем более, что где-то рядом мышь зашуршала!

И, оборвав разговор, ласка тут же нырнула в снежный сугроб. А горноста́й, сообщив мне, что ему тоже не мешало бы немного подзакусить, ускакал в лес... и на этом моё интервью с ними закончилось.

И ласка, и горноста́й мышей упоминали, как основную свою добычу. А я в скором времени и у мышей интервью взял. И вот как это произошло.

Тише, мыши!

Поднял я как-то веник, а под ним мышь сидит. Обычная, домовая. А рядом с ней — почти такая же, но чем-то всё же отличающаяся. К примеру, у домовой мыши шёрстка сплошь тёмно-серая, а у этой второй она какая-то желтовато-коричневая с беленьким брюшком, да ещё и с тёмной полоской вдоль всей спины.

А домовая мышь мне и говорит:

— Вот, пришли в гости! Я и моя близкая родственница, мышь полевая.

— Очень приятно! — говорю. — А раз вы тут вместе собрались, разрешите у вас обеих интервью взять. Для наших юных читателей.

Согласились мыши на интервью и начал я с ними беседовать.

— А вот скажи, — обратился сразу же к домовой мыши, — ты только в домах обитаешь? Или и на природе тоже?

— Я обитаю по всему, считай, земному шару! — с гордостью ответствовала домовая мышь. — Где люди, там и я! Ну, кроме, Антарктиды, Заполярья и высокогорных областей. Ну, а тут, у вас, я повсеместно распространена! И не всегда в домах. На лето, к примеру, когда тепло и еды вдоволь, часть нас на природу перебирается. Это, как вы, люди, на дачи. Но осенью, в

преддверии холодов, вновь в дома, к вам поближе, потому как запасов себе на зиму мы, в отличие от полевых мышей, делать не умеем и нор не роём!

— Понятно, — сказал я. — Непонятно только, как вы раньше тут обитали, когда люди дома не строили?

— Это я испокон веку тут обитала! — встряла в разговор мышь полевая. — А истинная родина моей уважаемой родственницы: то ли в Северной Африке, то ли в Передней Азии, то ли, вообще, в Северной Индии! Жили там её предки в природе, тихо, мирно... а когда тамошние жители впервые стали земледелием заниматься и запасы зерна в амбары складывать — вот тут-то моя дражайшая родственница к ним и заявила! И осталась жить по соседству на дармовых, так сказать, харчах, а потом вместе с земледельческими племенами и расселилась широко. В том числе и на ваших землях оказалась...

— Зато благодаря мне люди кошек одомашнили! — возразила домовая мышь. Потом помолчала немного, вздохнула грустно и добавила: — Чтобы с нами, мышами, борьбу вести. Потому, что, будем говорить прямо и откровенно: для человека мы вред приносим! И немалый!

— И какой же конкретно? — поинтересовался я. — Тем, что продуктами нашими питаешься? Интересно, а что конкретно ты кушать можешь?

— Спроси лучше, что я не могу кушать! — насмешливо фыркнула моя собеседница. — Ежели на природе живу в летний период, то питаюсь семенами и зеленью различных растений, а так же насекомыми и их личинками. А вот рядом с человеком — так могу кушать всё, вплоть до мыла, свечей и клея! Даже книги бумажные и те на зуб пробую...

— Да ты не столько съедаешь, сколько загрязняешь! — вновь влезла в разговор полевая мышь. — А ещё мебель грызёшь, проводку электрическую, одежду и обувь! А сколько разных заболеваний переносишь, опасных для человека! Не удивительно, что люди с вами борются всеми возможными способами!

— Борются! — вздохнула домовая мышь. — Да ещё как борются! Мышеловки ставят, приманки отравленные разбрасывают... про кошек я уже и не говорю! Но вам, людям, нас всё равно не одолеть по причине исключительной нашей плодовитости! За год одна самка может до десяти приплодов принести, и в каждом от 3 до 12 детёнышей! А детёныши эти уже через двадцать дней вполне самостоятельными становятся, а ещё через пару неделек и сами готовы к размножению!

— Да, впечатляет! — вздохнул я. — Выходит, никакой от тебя пользы, домовая мышь, кроме вреда?

— Это почему же?! — даже возмутилась мышь. — А про лабораторных белых мышей ты забыл? А про декоративных: чёрных, жёлтых, пёстрых, которых люди для эстетического удовольствия разводят?! А ведь все они от нас произошли, сереньких и незаметных!

— А почему ты только с сестрой моей разговариваешь? — возмутилась мышь полевая. — Я тоже хочу кое-что о себе рассказать! Живу я на природе: на лугах, полях, на опушках смешанных и лиственных лесов, на вырубках и в пойме рек. В отличие от домовых мышей, которые на всём готовеньком, мы, мыши полевые, и норы себе делаем, и запасы корма на зиму заготавливаем. Кстати, селиться мы предпочитаем не по одиночку, а большими колониями, хоть у каждой мыши в колонии — своя отдельная нора. И немаленькая: с несколькими жилыми гнёздами, с десятком запасных выходов и кладовочек для корма. Вот мы какие!

— Понятно, — сказал я. — А людям вы какой вред причиняете?

Замялась моя собеседница.

— Ну, учитывая то, что запасы наши в основном из зерна состоят, а также то, что много нас в природе... кое-какой вред вам от нас имеется. Ещё шмелиные гнёзда иногда разоряем... а с другой стороны именно в наших пустых норках

шмели свои жилища и устраивают! Сами-то они норы рыть не умеют!

— А враги у вас, полевых мышей, имеются? — спросил я.

— Хватает! — вздохнула мышь. — Кошки, лисы, совы, пустельги, змеи... да разве всех перечислишь! Хорошо ещё, что мы такие же плодовые и скороспелые, как и мыши домовые! Правда, потомство приносим не более 4–5 раз в год, потому как зимой не размножаемся...

— А нас ещё крысы донимают! — пожаловалась домовая мышь. — Мало того, что конкурируют с нами за пищу, так ещё и на нас самих могут нападать, пользуясь тем, что крупнее!

— А какие-либо ещё мыши в нашей местности обитают? — поинтересовался я.

Переглянулись мои хвостатые собеседницы.

— Ты отвечай! — обратилась к соседке мышь домовая. — Тебе это ближе!

— Ну, водятся в наших лесах лесные мыши, — пояснила мышь полевая. — Мышь лесная и мышь малая лесная. Лесная мышь — почти точная копия домовой, малая лесная — уменьшенная копия лесной. Ещё обитает в лесу желтогорлая мышь, она из всех нас самая крупная. А называется так, потому что на горлышке у неё жёлтая или красноватая шерстка, образующая пятнышко. А на открытой местности, по соседству

со мной, проживает мышь-малютка, самая крошечная из всех нас и очень интересная.

— Чем же она такая интересная? — недоверчиво спросил я. — Малыми своими размерами?

— Размеры — само собой! — махнула лапкой полевая мышь. — Но ведь она ещё и ловко по стеблям трав лазить может. И даже хвостиком за них цепляется...

— А затем её по стеблям трав лазить? — не понял я. — За пищей?

— Не только! На стебельке травы эта моя родственница сооружает себе изящный шаровидный домик, летнюю, так сказать, резиденцию. А на зиму, естественно, в норку забирается...

— Очень интересно! — сказал я. — Это и все ваши родственницы?

— Есть ещё мышовки, — сказала полевая мышь. — Очень на нас, мышей, похожи, и размерами, и окраской, вот только на спинках у них тёмная полоска и хвостики гораздо длиннее наших. Правда, в нашей местности обитает лишь мышовка лесная. Она, кстати, как и мышь-малютка, ловко по стеблям трав и кустарников лазить может, помогая себе гибким хвостиком. А на зиму запасов не делает, а просто в спячку впадает. Ещё полёвки в наших местах водятся, могу и о них немножечко

рассказать...

— Не надо! — сказал я. — С полёвками у меня отдельная встреча будет.

— Ну, не надо, так не надо! — несколько обиженно пискнула полевая мышь.

— И последний вопрос, — сказал я. — Какая у вас, мышей, вообще, продолжительность жизни?

Переглянулись мои собеседницы.

— В природе — год, от силы полтора, — вздохнула мышь полевая.

— В неволе — больше! — добавила домовая мышь. — Аж до 2–3 лет дотягиваем! А люди даже специальную премию утвердили (так называемую, премию Фонда Мафусаила), которая ежегодно вручается исследователям, сумевшим продлить продолжительность жизни мышей. А рекорд был поставлен в 2005 году, когда одна лабораторная мышь прожила аж 1819 дней, это значит, почти пять лет! Представляешь?!

— Представляю! — сказал я. — Действительно огромный срок!

И на этой мажорной ноте распрощался со своими хвостатыми собеседницами.

Мыши удалились, а я внезапно подумал: а почему бы мне ещё и с крысами не встретиться! Особенно, с крысой серой, которую ещё пасюком называют.

Что не говори, а серая крыса — один из самых распространенных и многочисленных видов млекопитающих. Все континенты освоила, кроме Антарктиды, а общая их численность примерно в два раза превышает количество всех людей на планете. Обидно будет, ежели моя встреча с таким интересным животным не состоится.

И только я так подумал, как крысы сами ко мне прибежали. И более крупная серая, и чёрная, которая, скорее, коричневого цвета была и серой по размерам значительно уступала.

— Привет, о, наш враг номер один! — с порога пропищала серая крыса.

— Почему это я ваш враг? — удивился я. — Да ещё номер один! Если честно, то я с вами обеими и не знаком лично!

— А мы и не о тебе лично! — пискнула чёрная крыса. — Мы, вообще, о вас, людях! Ведь мы, крысы, для вас — враги номер один? Вот и вы для нас соответственно!

— Мы и друг для дружки тоже непримиримые враги! — добавила многозначительно серая крыса и так щёлкнула зубами, что её чёрная родственница даже попятилась в испуге.

— Ну, ладно, враги, так враги! — не стал я спорить. — Тогда, может, заключим временное соглашение о перемирии и просто побеседуем?

Крысы на перемирие согласились, и началась у меня с ними доверительная беседа.

Моя беседа с крысами

— А вот скажите, — начал я издалека, — ведь вы, крысы, не всегда в наших местах обитали? Где-то же имеется и ваша историческая родина?

Переглянулись крысы.

— Родина наша — Юго-Восточная Азия, — пояснила чёрная крыса. — Именно там мы в природных ландшафтах издавна обитали, и именно оттуда нас по всему свету и расселили. Сначала меня, а потом, на моё несчастье, и эту мою серую родственницу, чтоб её кот задрал!

— Но-но! — оскалила внушительные зубы серая крыса. — Во-первых, не любому коту я по зубам, а во-вторых, сейчас как цапну зубами за что попаду! За оскорбление!

— Вероломное нарушение перемирия! — испуганно запищала чёрная крыса. — Ты, человек, свидетель!

— Успокойтесь, уважаемые крысы! — взмолился я. — Лучше ответьте мне на такой вопрос. Вот вы говорите, вас расселили... А кто именно это сделал и с какой целью?

— Ну, разумеется, вы, люди! — злоратно

пискнула серая крыса. — Сами того не желая! Когда моря-океаны освоили на своих парусниках. А мы, крысы, очень любим именно на кораблях путешествовать! Вот таким образом и попала в средневековую Европу чёрная моя родственница. И, кстати, принесла с собой чуму! Что, скажешь, неправда? — обратилась она к чёрной крысе.

Чёрная крыса ничего на это не ответила и серая продолжила свой рассказ:

— А мы, пасюки, попали к вам не так и давно, где-то в XVIII столетии. И тоже на кораблях. Прибыли, прижились и вредим вам по мере возможности, но чуму почти не переносим. Так что, значительно потеснив этих чёрных сородичей, мы вас от чумы защитили!

— Тоже мне, защитнички! — оскорбилась чёрная крыса. — Да вы и без чумы множество иных болезней переносите! Я уже не говорю о прочей вашей вредности!

— Расскажите, пожалуйста, в чём же прочий ваш вред? — обратился я к обеим крысам одновременно. — Только без утайки, всё как есть говорите!

— А чего нам таиться! — удивилась серая крыса. — Да, кушаем ваши продукты, и даже не столько кушаем, сколько в негодность приводим. И болезни переносим, опасные, как для вас, так и для ваших домашних животных. Тех же свиней...

— А в природе вы обитаете? — задал я следующий вопрос. — Или только подле человеческих жилищ?

— Я — только возле вас! — призналась чёрная крыса. — Теплолюбивая очень...

— А мы, пасюки, можем и в природных условиях обитать, — сказала серая крыса. — Особенно в летний период. А некоторые из нас даже круглый год на природе живут, сами пищу себе добывая.

— А чем вы, вообще, питаетесь? — несколько запоздало поинтересовался я.

— Всеядные! — хором пропищали крысы. — Самые всеядные после вас, людей!

— Вот говорят, что я грызун, — добавила серая крыса. — А ведь я могу и самым настоящим хищником стать! Хорошо плаваю, могу и рыбу добыть, и лягушку. На мышей нападаю, на птиц, даже на этих чёрных сородичей...

— Опять угрозы! — испуганно запищала чёрная крыса и, не выдержав, прочь убежала.

— Ну и пускай бежит! — махнула лапкой серая крыса. — Что тебе ещё о себе рассказать?

— А польза от вас хоть какая есть? — с надеждой спросил я. — А то всё вред да вред...

— Да мы, крысы, сделали для вашей науки больше, чем кто бы там ни было! — с гордостью заявила крыса. — В качестве лабораторных

животных... — добавила она, немного помолчав.

— Так ведь там белые крысы, — начал, было, я, но гостя моя тотчас меня же перебила.

— Ведь они от нас произошли, от обычных серых крыс! И знаешь, как это произошло?

— Не знаю! — сказал я. — Расскажи!

— После того, как серые крысы завоевали Европу, — начала издалека свой рассказ крыса, — в Англии стали пользоваться большой популярностью крысиные бои.

— Бои между крысами? — предположил я.

— Если бы! — горестно вздохнула крыса. — Крыс помещали в большую яму с отвесными краями и запускали туда терьера. Знаешь, кто это?

— Знаю, — сказал я. — Есть такая порода норных собак. Они небольшие, но очень сильные и бесстрашные.

— Вот их и запускали, — вздохнула крыса. — Делали ставки на то, за сколько времени терьер убьет всех крыс в яме. Представляешь?

— Представляю! — вздохнул я. — Жестокое зрелище! Вот только какое оно имеет отношение к появлению белых крыс?

— Сейчас скажу! — пообещала крыса. — В общем, были люди, которые специально отлавливали крыс для этих отвратительных зрелищ. А среди массы серых крыс, попадались иногда и крысы-альбиносы, белые с красными глазами. Так

вот один из таких крысоловов, Джек Блэк, заинтересовавшись столь необычными крысами, не стал отдавать их на расправу, а занялся разведением. В итоге, получились не только белые лабораторные крысы, но и разноцветные декоративные.

— А что, крыс содержат, как декоративных животных? — даже удивился я. — Вроде хомячков и морских свинок?

— Представь себе! — сказала, как отрезала моя гостья. — И они, в отличие от тех же морских свинок, не имеют запаха!

— Но ведь кусаются! — не совсем уверенно проговорил я.

— И не кусаются! — заверила меня крыса. — У моих одомашненных сородичей весьма миролюбивый нрав! В отличие от меня! Ты знаешь, что будет, ежели крысу загнать в угол?

— Ну, слышал такое выражение «загнанная крыса», — признался я. — В том смысле, что крыса, зажата в угол, защищается отчаянно.

— Именно! — кивнула головой крыса. — Так что никому не советую меня в угол загонять!

И убежала, оборвав, таким образом, нашу увлекательнейшую беседу.

Есть в нашей фауне небольшие зверушки, которых называют полёвками. Их, кстати,

многие с мышами путают, потому как внешне очень они между собой похожи. Но и отличия имеются, а вот в чём они заключаются, это я и решил выяснить у самих полёвок. В общем, через знакомую сороку назначил им встречу, на которую и явился без опоздания.

Дружеская беседа с... полёвками

Я пришёл, и полёвки тоже прибежали. Целых четверо. Причём, три мелких и действительно очень на мышей похожих, а одна крупная... я её сперва за крысу принял и даже возмутиться хотел: чего это крыса сюда незваной припёрлась? Но присмотрелся повнимательнее: нет, не крыса! Значит, тоже полёвка...

И беседа наша началась.

— Представьтесь, пожалуйста! — попросил я полёвок. — И заодно объясните и мне, и читателям нашим, чем вы, полёвки, от мышей отличаетесь?

— Да многим! — ответила мне одна из полёвок, рыженькая. — Даже внешне: и хвостики у нас покороче мышиных, и мордочки более округлые, и ушки поменьше.

— Ты представиться забыла! — перебила её соседка, такого же небольшого размера полёвка, но с буровато-серой шёрсткой, и, обратившись ко мне,

добавила: — Это — полёвка рыжая, а я — полёвка обыкновенная!

— А я — полёвка-экономка! — запищала третья из мелких полёвок, пришедших ко мне на беседу, очень похожая на двух своих подружек, но буровато-коричневая. — Такое у меня интересное название!

— Да, название необычное, — вынужден был согласиться я. — А, скажи, почему тебя так назвали?

— Не знаю! — махнула хвостиком полёвка-экономка. — Может потому, что запасы пищи себе делаю, норы рою...

— А я что, не рою?! — обиделась рыжая полёвка. — И запасов у меня не меньше твоего!

— Да какие там у вас норы?! — засмеялась полёвка обыкновенная. — Простенькие, неглубокие. А ты, экономка, и вообще чаще без нор обходишься, под корнями деревьев жилище себе устраиваешь! А вот у меня норы — сложные, разветвлённые, в которых и спальни, и кладовочки, и даже запасные выходы!

— А ты... а ты... — обиженно запищала рыжая полёвка, — а ты — вредитель зерновых культур, вот!

— Я хоть корни и кору у яблонек не подгрызаю! — огрызнулась полёвка обыкновенная. — А ты и этим грессишь! И ты тоже,

кстати, хоть и встречаешься редко — добавила она, обращаясь уже к полёвке-экономке. — Так что вы, обе, значительно за меня вреднее!

— Эх вы, мелюзга! — расхохоталась вдруг крупная полёвка. — Да я одна вреднее вас всех, вместе взятых! И этим горжусь!

— Представьтесь, пожалуйста! — обратился я к ней.

— Я — водяная полёвка или, как меня ещё называют, водяная крыса! — гордо ответила крупная полёвка. — Но к крысам никакого отношения не имею! Живу в норах около воды, хорошо плаваю, ныряю, питаюсь не только растениями, но и животной пищей: и рака могу слопать, и моллюска, и рыбку... если поймаю. Могу на дерево забраться, птичье гнездо разорить. А бывает, и мышку скушаю или какую-нибудь полёвку мелкую...

— Но-но! — дружно запищали мелкие полёвки, отодвигаясь от водяной крысы подальше. — Ты, это... близко не подходи!

— Да нужны вы мне очень! — лениво отозвалась водяная крыса. — Я лучше на огороде свеклу или морковку скушаю. Или яблоневую кору погрызу, тоже вкусно...

— А скажите лучше, — постарался я перевести разговор на другую тему, — у вас враги имеются?

— Да сколько угодно! — воскликнули разом все полёвки. — И совы, и пустельги, и ласки с горностаями! А лисы, а кошки бродячие... кабаны даже! Нору разроют и... Ну, в общем, сам понимаешь...

— И жизнь наша короткая, — добавила грустно полёвка обыкновенная. — А детство и того короче: 20 дней всего... и вот ты уже взрослая полёвка...

— Хорошо ещё, что мы, полёвки, очень плодовитые, — вмешалась в разговор полёвка-экономка. — За лето несколько раз деток рождаем, и не по одному, а по 5–6 маленьких полёвочек.

— Прямо как мыши! — не удержался я и тем привёл всех своих собеседниц в страшное негодование.

— Запомни, — запищала полёвка обыкновенная, — что мы с мышами очень дальние родственники. Они к семейству Мышей относятся, а мы — к семейству Хомякообразных.

— Так вы — родственники хомякам? — удивился я. — Вот уж никогда бы не подумал!

— Ондатра, кстати, тоже наш близкий родственник, — с гордостью пискнула водяная крыса. — Особенно мне. Я её даже сюда пригласить хотела, но она отказалась. Сказала, что ты у неё тоже обещал взять интервью...

— Было дело, помню, — сказал я. — И исполню в самое ближайшее время...

— Вот так всегда! — внезапно обиделись мелкие полёвки. — Как у ондатры, так отдельное интервью хочешь взять, а как у нас — так общее!

И от такой великой обиды разбежались мои гости в самые разные стороны. А водяная крыса посмотрела им вслед, облизнулась и тоже прочь подалась. Правда, на прощание, мне лапкой помахала.

Вежливая оказалась, хоть и самая из всех полёвок вредная...

Напомнили мне полёвки об ондатре, и я тотчас же отправился на поиски. Конечно же, к ближайшему водоёму.

Подошёл к воде... и точно: сидит посреди тростников ондатра, на меня смотрит. И, не успел я даже слова сказать, сразу же меня оборвала.

— Ты, — говорит, — вопросов не задавай. Я сначала всё о себе расскажу, а потому уж, ежели что неясно покажется, спрашивай. Договорились?

— Договорились! — сказал я и приготовился слушать.

Иммигрант из Америки

— Я — ондатра, — начала свою речь моя собеседница, — к отряду грызунов отношусь. Это обширный отряд, очень даже обширный и многие его представители в вашей местной фауне в изрядном, можно сказать, количестве обитают. И мыши к грызунам относятся, и крысы, и белки. А ещё бобры, сони... да разве всех перечислишь!

Но все они местные, издавна на территории этой проживать изволят. Моя же родина — Северная Америка. А в Европу люди нас завезли впервые в 1905 году, чтобы нас тут акклиматизировать. И, конечно же, сделали это в своих корыстных целях, ибо мех ондатры очень ценится: прочный, красивый и в воде почти не намокает.

А уж потом мы по всей, считай, Европе расселились. И в Сибири тоже...

Ну, а теперь о себе более подробно.

Внешним своим обликом я больше всего обыкновенную крысу напоминаю, недаром же второе моё название «мускусная крыса». Вот только размеры мои не чета крысиным, они для грызуна очень даже солидные: длина тела до 36 см., вес до 1,5 кг. Веду полуводный образ жизни, потому идеальна к такой жизни приспособлена.

Например, между пальцами задних лап

имеются у меня, хоть и неполные, но перепонки, для лучшего, так сказать, плавания и ныряния, а специальное устройство ротовой полости позволяет нам, ондатрам, даже питаться под водой.

— А чём ты всё-таки питаешься? — не удержался я от вопроса.

— Да всем понемногу, — сказала ондатра. — Тростником, рогозом, хвощом, осокой и другими водными и прибрежными растениями, причём, поедаю, как зелёные наземные части этих растений, так и сочные их корни и корневища. Но чистым вегетарианцем меня назвать нельзя, потому как растительную пищу я разнообразяю животной, точнее, моллюсками-беззубками, которых я поедаю в огромных даже количествах. Впрочем, так же охотно я поедаю и раков. Причём, питаюсь я не, где попало, а в определённых местах, так называемых, «кормовых столиках». Ну а «кормовым столиком» может быть и кочка, и пенёк... а может быть и просто укромное местечко на берегу...

Это что касается питания. Что же касается проживания, то предпочитаем мы, ондатры, мелководные водоёмы с извилистыми берегами и богатой водной и прибрежной растительностью. В таких местах роём себе норы с выходом под водой и жилой камерой выше воды. Если же берега водоёма низкие, то мы строим хатки до метра высотой из тростника, рогоза, осоки. Всё это

скрепляется илом, и выход из хатки опять же ведёт под воду. Так и живём, активно плавая и ныряя в сумеречные и ночные часы. Впрочем, в местах, где люди нас мало беспокоят, мы можем быть активны и в дневные часы.

— А зимой? — поинтересовался я.

— Зимой, кстати, мы тоже активны. Делаем себе регулярно отдушины во льду, прокладываем ходы под снегом к «кормовым столикам»...

— А теперь немного о размножении, — попросил я. — Понимаю, что тема деликатная...

— Нормальная тема! — махнула лапкой ондатра. — Все грызуны очень плодовиты, и мы, ондатры, тоже не исключение из этого общего правила. В течение тёплого времени года одна самка может принести до трёх выводков, а в каждом по 6-10 детёнышей. Молодые ондатры растут быстро и вскоре становятся вполне самостоятельными, правда, все они аж до следующей весны живут вместе с матерью в одной хатке или норе...

— А враги у тебя имеются? — задал я следующий вопрос.

— Только высокая плодовитость и спасает нас, ондатр от полного исчезновения, — вздохнула ондатра, — ибо врагов у нас хватает. Ну, ладно бы, только люди на нас охотились, раз уже для этого дела они нас тут и расселили. Но ведь и кроме

человека есть любители на нас поохотиться. Это и волки, и лисы, и енотовидные собаки (которых тут тоже люди акклиматизировали на нашу голову!). А ещё выдры, ястребы-тетеревятники, луни болотные и всякие прочие хищники...

Впрочем, есть и за нами, ондатрами, грешок, потому как именно мы считаемся главными виновниками полного исчезновения из многих европейских мест выхухоли, ценного пушного зверка, тоже полуводного и, притом, исконного европейского аборигена.

— Надо как-то мне с выхухолью встретиться, — задумчиво проговорил я. — И тоже интервью у неё взять. Впрочем, не знаю даже где и искать оставшихся выхухолей, если вы, ондатры, их всех истребили!

— Да не истребляли мы их! — даже возмутилась ондатра. — Нечего, понимаешь, с больной головы на здоровую всё сваливать!

— Это в каком смысле? — не понял я.

— А в том! Меха выхухоли одним из лучших всегда считался, так что, главными виновниками её исчезновения из местных водоёмов всё же следует людей считать, которые во все времена на выхухоль активно охотились.

— Но ты же сама сказала, что вы — главные виновники исчезновения выхухоли? — напомнил я.

— Я сказала, что вы таковыми нас

считаете! — парировала ондатра. — Но определённая наша вина в оном исчезновении всё же имеется. Какая, возможно, спросишь ты. Отвечаю!

Хоть ондатры на выхухолей не охотятся, и даже питаемся мы с ними разными кормами, но на их несчастье оказались у нас с выхухолями одни и те же любимые места проживания. Вот и начали мы их из этих мест активно вытеснять, пользуясь тем, что значительно крупнее и сильнее. Вытесняли, вытесняли... и вытеснили из вашей фауны почти окончательно...

Вот тут то люди спохватились, начали рассуждать о том, что, дескать, акклиматизация ондатры в местных водоёмах была ошибочной. Но, рассуждай не рассуждай, а дело, как говорится, сделано. Прижились мы, ондатры, тут, у вас. И, хоть и не по доброй воле, но даём вам, людям, свой ценный мех.

А мех наш и в самом деле хорош. И шубы из него люди шьют, и шапки. А ещё выдёргивают длинные и редкие остевые волосы, и в таком изменённом виде мех ондатры можно имитировать под соболя, норку, котика и других более ценных животных...

Закончила ондатра своё повествование и стала моих вопросов ожидать. А я в это время

бобра увидел неподалёку и к нему со всех ног. Может, это и не вежливо с моей стороны по отношению к ондатре, но она так подробно о себе рассказала, что вопросов у меня даже не появилось. И я попросил бобра так же подробно о себе рассказать.

Что бобр может о себе рассказать?

Я — бобр! Именно так меня правильно называть надо, а не бобёр, как некоторые почему-то считают. Слово *бобёр* тоже в русском языке имеется, но это, когда о моей шкурке речь идёт, точнее, о моём мехе. А мех у меня действительно отменный: прочности изумительной, да ещё и красивый очень. И ценится высоко, и во все века, кстати, очень высоко ценился.

Ценный то он ценный, но из-за этого меха у самих бобров одни неприятности. Так активно люди нас добывали, что к началу XX столетия бобров в природе почти не осталось. Правда, надо отдать людям должное, тут-то они и спохватились. Охранять нас начали всячески, в 1925 году специальный заповедник создали в тех местах, где мы ещё в природе сохранились. Этот заповедник называется Березинский биосферный, он и сейчас в Беларуси существует, но задачи у него уже другие,

более масштабные. А нас люди за это время почти по всей республике вновь расселили, так что в 2007 году численность бобров на территории Беларуси достигла аж 43 тысяч. А это, поверьте, немало.

А теперь немного о себе. Полное моё название бобр речной, а отношусь я к семейству бобровых отряда грызунов. Вообще-то, большинство грызунов — животные довольно мелкие (мыши, крысы, белки, суслики там всякие). А мы, бобры, среди прочих грызунов — одними из самых крупных считаемся. Длина взрослого бобра около метра, вес — до 30 кг... это тебе не мышка какая-нибудь! А ещё мы воду очень любим и всегда подле неё держимся.

И правильно делаем. Ибо на суше очень уж мы, бобры, медлительные и неуклюжие, любой хищник нас легко поймать и обидеть может. Другое дело в воде. Тут уж мы плаваем и ныряем всем на удивление.

Всё у нас, бобров, к водному образу жизни приспособлено, вернее, к полуводному. Вот, к примеру, как долго не пробудет бобр в воде, шерсть его всё равно не намокнет, потому что есть у бобра на теле специальные железы, выделяющие особые маслянистые вещества. Выделения эти регулярно смазывают шерсть, вот она и не намокает. А ещё у нас на задних лапах перепонки между пальцами имеются. Это, чтобы задними лапами, как ластами,

от воды отталкиваться и быстрее плыть. А широкий плоский хвост, покрытый, кстати, не шерстью, а чешуйками, нам вместо руля служит...

Кстати, хвост этот и ещё одну функцию имеет. Голос у бобра — тихое урчание, за два-три метра его и услышать трудно. Потому, в случае опасности, бобр, прежде чем нырнуть, с силой бьёт хвостом по воде. Звук, который при этом получается — на взрыв похожий и потому далеко слышен. Так бобры друг друга об опасности предупреждают, да и для остальных обитателей водоёма это тоже как бы тревожный сигнал.

А ещё мы, бобры, — лучшие в природе строители! Для жилья себе домики строим из веток, илом речным их скрепляем. Такие домики люди «бобровыми хатками» называют.

Хорошие у нас хатки, до 3 метров высотой и да 12 метров в диаметре. Внутри всегда сухо, тепло и безопасно, потому как выход из жилища всегда под водой. А ещё мы, бобры, плотины на реках делаем, чтобы уровень воды в них на должном уровне поддерживать.

Если хатку каждая семья бобров строит самостоятельно, то плотины все бобры коллективно строят. Острыми резцами, словно пилами, деревья подгрызают, а когда деревья эти в воду упадут — в ряд их укладывают, веточками, хворостом, илом щели между стволами законопачивают... вот

плотина и готова. Иногда огромная, 100–200 метров в длину... трудно представить, что такое гигантское сооружение возведено маленькими передними лапками всего только нескольких десятков бобров.

— А питаетесь вы чем? — задал я вопрос.

— Деревьями мы и питаемся, — пояснил бобр, — точнее, корой древесной и молодыми побегами. Летом ещё едим разные водные и прибрежные травянистые растения (кубышки, кувшинки, тростник, ирис и др.), а вот на зиму делаем себе запасы. Свалим в воду иву или осину, веточки от них постепенно отгрызаем и у входа в «хатку» на дне аккуратно складываем. Стараемся, чтобы на всю долгую зиму запасов хватило, и себе, и деткам своим...

Каждая хатка — это отдельная семья. Вот в моей хатке, к примеру, живём мы с женой и детки наши прошлого и нынешнего годов. А вообще, общее количество бобров в такой хатке может достигать аж 12 особей. Представляешь, каково родителям за порядком уследить в такой многодетной, можно сказать, семье! Хорошо ещё, что старшие бобрята помогают. Правда, уже на третьем году жизни молодые бобры вполне взрослыми и самостоятельными становятся и после второй зимовки родной дом навсегда покидают. Ищет молодой бобр себе пару... и начинают они потом новую хатку сооружать, иногда неподалёку

от родительской, а иногда и довольно далеко от неё.

Вот так мы и живём. Никому не мешаем, никому вреда не приносим. Ну, иногда только, из-за плотин наших у людей поля и огороды водой залить может... но это очень и очень редко. А вот польза людям от нас огромная. И не только из-за меха нашего ценного.

— А из-за чего ещё? — не удержался я от вопроса.

— Есть ещё у бобров специальные мускусные железы, которые люди называют «бобровая струя» и очень ценят, — со вздохом проговорил бобр. — И в медицине «бобровую струю» используют, и в парфюмерной промышленности...

— Понятно! — сказал я. — Не очень весёлая тема...

— А ещё мы, бобры — украшение нашей фауны, так что надо нас всячески беречь и охранять! — воскликнул бобр. — А если уж и охотиться на нас (капканами, ловушками, а с 2007 г. в Республике Беларусь даже с ружьями охоту на нас разрешили), то, конечно же, делать это следует в строго обозначенные сроки. И ни в коем случае хатки наши не разрушать, за это большой штраф полагается!

Ну, вот и всё, что я хотел рассказать вам о себе и своих, так сказать, соплеменниках. А ежели вопросы у тебя какие возникли, то прошу! Отвечу

на любой!

Но вопросов у меня так и не возникло, ибо очень подробно и обстоятельно бобр о себе рассказал. Попрощался я с ним и пошёл, себе, далее по берегу. С надеждой повстречаться ещё и с выхухолью, хоть надежда эта весьма слабой была...

Но, знаете, то ли просто повезло мне необычайно, то ли бобр помог, но вдруг заметил я, как к берегу ещё один небольшой зверёк подплывает. Размеры скромные: побольше мыши, но значительно меньше ондатры. И нос у зверка очень уж примечательный. Длинный такой, как хобот. Или, вернее, хоботок...

Вот по этому хоботку и понял я, кто со мной на встречу пришёл.

— Ты — выхухоль? — спрашиваю.

— Точно! — отвечает зверёк. — А ты — тот, кто у всех местных обитателей интервью берёт? Тогда уж и у меня возьми. И даже не интервью, а просто печальную повесть о непростой моей жизни. Вымру ведь скоро, как мамонты когда-то вымерли... мои, кстати, современники...

Скромная «современница мамонтов»

Впрочем, мы, выхухоли, даже древнее мамонтов, ибо существуем почти без изменений в течение 30 (а по другим сведениям даже 40) миллионов лет. А во времена расцвета мамонтов ареал наш простирался от Каспийского моря аж до Британских островов. Вот было времечко!

Впрочем, всё это давно в прошлом осталось. Мамонты вымерли, а мы, выхухоли, сохранились лишь Восточной Европе, да и то на очень небольшой территории: в бассейнах Днепра, Волги, Дона и Урала. Впрочем, на территории Беларуси нас давно уже не встречали, да и в российской фауне, увы, редкими мы стали.

А теперь немножко о себе. Отношусь к отряду насекомоядных, точнее, к землеройкам. Да и выгляжу, как очень крупная (до 500 г.) землеройка: такой же нос хоботком, глаза с булавочную головку, зато обоняние и осязание развиты.

Хорошо плаваю и ныряю, живу в норах с выходом под водой. А вот на суше передвигаюсь медленно и потому часто становлюсь добычей хищников.

Как и все землеройки, мы, выхухоли, нуждаемся в большом количестве пищи. За сутки взрослая выхухоль способна съесть столько, сколько сама весит. А едим мы всю водную мелочь:

пиявок, моллюсков, личинки насекомых. А зимой, когда корма маловато, добавляем в меню ещё и рыбок (если поймаем), и даже растительные корма.

Мех у нас хорош: густой, бархатистый, сверху тёмно-коричневый и очень прочный. Из-за меха нашего люди на нас и охотились.

Но это ещё полбеды, ибо добыть нас не так и просто из-за ночного образа жизни. Беда началась, когда завезли вы в наши края двух моих врагов: американскую норку и ондатру.

Хищная норка тотчас же принялась за мной охотиться, а ондатра конкурировать за пищу и места обитания. А так, как она крупнее и агрессивнее меня, то очень скоро вытеснили ондатры нас, выхухолей, из исконных мест обитания. Исчезли мы полностью в Беларуси, да и в России также находимся под угрозой полного вымирания.

Кстати, несколько раз пытались учёные нас вернуть в белорусскую фауну, выпуская в разных местах. Но, увы, ничего у них не получилось. Прочно наши места ондатры заняли.

А вот с бобрами мы всегда дружно жили, даже их постройки и норами время от времени пользовались. А ещё бобры рвали браконьерские сети и этим нас от большой беды выручали. А мы за это поедали моллюсков, переносящих опасные для бобров заболевания. Вот так, во взаимной пользе и

жили. А теперь...

И, не договорив, выхухоль махнула лапкой и под водой исчезла. Уплыла, то есть. А меня в этот самый момент кто-то окликнул тоненьким таким голоском:

— А у меня интервью возьмёшь?

Оглянулся я, вижу...

По размерам, вроде, мышь... а хоботок вместо носика, ну, совсем как у выхухоли.

— Ты — землеройка! — наконец-таки догадался я.

Маленькие «обжоры»

— Как думаете, кто из млекопитающих самый прожорливый? — вдруг пропищала моя гостья. — Тигр? Лев? Бегемот? А вот и нет!

Самые прожорливые — это мы, землеройки!

Вообще-то, нас люди редко в природе наблюдают. А ежи и встречают иногда, то с мышами путают, ибо внешне мы на них очень похожи...

Вот именно, внешне похожие! Но никакие мы не мыши! Мыши — грызуны, а мы, землеройки, к отряду Насекомоядных относимся. Так что, родственниками нам, скорее, кроты и ежи являются. Ну, и выхухоль, которая только что

уплыла — тоже ближайший наш родственник...

Да и отличить нас от мышей довольно несложно, ежели присмотреться повнимательнее. Глазки у нас очень маленькие, едва заметные, а мордочка длинная, вытянутая, а кончик её и вообще похож на короткий хоботок.

В фауне России насчитывается 25 видов землеройковых, относящихся к 4 родам: белозубки, потораки, бурозубки и куторы или водяные землеройки. В Беларуси водятся лишь бурозубки и куторы (да и в России они наиболее распространены), а поскольку я и сама — бурозубка, то в основном о нас, бурозубках, и буду речь вести.

Бурозубками нас называют потому, что кончики зубов у нас бурые. Я, *бурозубка обыкновенная* — самая крупная из всех (вес аж до 15 г.), *бурозубка средняя* — за меня значительно мельче (весит не больше 7,5 г.), ну а *малая бурозубка* — самая из нас мелкая.

А так, если не считать размеров, мы, бурозубки очень между собой похожи и внешне, и способом жизни. И, кстати, зря нас землеройками называют потому, как землю мы не роём и нор не делаем. Предпочитаем лиственные леса и некошенные луга, в общем, те места, где земля покрыта толстым слоем опавших листьев, прошлогодней травы и различными отмершими

растительными остатками. Всем тем, в общем, что принято называть подстилкой.

Так вот, бурозубки прекрасно приспособлена к жизни в этой подстилке, где обитает бесчисленное множество всякой мелкой живности, которая и служит нам пищей. Именно там мы и прокладываем свои бесконечные ходы, а никак не в земле и ориентируемся не при помощи зрения (оно у нас никудашнее), а с помощью слуха, обоняния и осязания.

— Ну, а питаетесь вы чем? — поинтересовался я.

— Питаемся мы, в основном разнообразными насекомыми, их личинкам, слизнями, дождевыми червями. — пропищала бурозубка. — Но можем нападать и на мелких позвоночных: лягушек, ящериц, мышей. Да, да, ты не ослышался, именно мышей!

— Не может быть! — усомнился я. — Ведь ты с мышью в одной весовой категории находишься!

— И, тем не менее! — пискнула бурозубка. — Маленькая землеройка, благодаря своей силе, ловкости и отваге, может напасть на мышшь одного с собой размера и легко её одолеть. Ну, и слопать, конечно... ведь для того и нападала...

А всё потому, что требуется нам очень много еды. Столько, что ты и представить даже не можешь. За сутки каждая из нас съедает в 1,5–3

раза больше, чем весит сами, представляешь?!

— Представляю! — пробормотал я. — Точнее, не представляю даже, как можно быть таким до еды жадным!

— Не потому, что жадные, — обиженно возразила бурозубка, — а просто обмен веществ в организме у землеройки очень уж интенсивный, количество сердечных ударов может доходить до 1000 ударов в минуту... а на всё это энергия затрачивается. А жировых запасов мы, увы, не имеем, вот и приходится как-то выкручиваться...

Лишь 9-11 часов землеройка моего размера может прожить без пищи летом, а зимой и того меньше. Поэтому она просто обречена на постоянный поиск пищи, что и делает день и ночь напролёт с короткими перерывами. Рабочий (т. е. охотничий) день бурозубки составляет 12,5-16 часов. А остальное сон: поспал — поел, поспал — поел...

Чем меньше землеройка, тем больше бывает периодов сна и кормежки в течение суток. Кстати, моя маленькая сестричка, бурозубка малая, погибает уже через 5 часов голодания, так что сутки у неё разделены аж на 78 интервалов сна и кормления.

— Бедные! — пробормотал я. — не жизнь, а сплошные мучения!

— А зимой нам, вообще, туго приходится, —

печально вздохнула моя маленькая собеседница, — потому как подкожного жира не накапливаем и в спячку не впадаем. Вот почему численность наша в конце лета наиболее высокая, а самая низкая именно весной.

Из-за столь интенсивного обмена веществ и жизнь наша коротка: полтора года, максимум. И давно бы мы, землеройки, исчезли с лица земли, если бы не наша высокая плодовитость. За лето каждая самка по два-три приплода даёт, а в каждом до пяти детёнышей.

— От кого-то я уже что-то подобное слышал! — пробормотал я. — Ах да, от мышей и полёвок!

— Не перебивай! — пискнула землеройка. — Так вот, для этого самка землеройки делает в укромном местечке между корней и кочек гнездо из сухой травы и листьев, именно там детёныши рождаются и проводят первые три недели своей жизни.

Потом они начинают вылезать из гнезда, и мать учит детёнышей находить себе пищу. Интересно, что когда мать выводит впервые детёнышей, они, чтобы не потеряться, выстраиваются в цепочку, причём, каждый держится зубами за основание хвоста впереди идущего, а первый — естественно, за хвост матери. Всего неделя такого интенсивного обучения — и

вот уже на 22-й день жизни детёныши вырастают настолько, что готовы к самостоятельной жизни. А их мать, навсегда распрощавшись с потомством, снова готовится стать матерью...

А ещё нам помогает выжить то, что большинство хищников нами, землеройками, как бы брезгует. А всё из-за сильного мускусного запаха, который мы издаём. Лишь аисты, гадюки и некоторые хищные птицы поедают нас без всяких колебаний, да кошка иногда, приняв за мышь, хватает. Правда, не кушает, а сразу же бросает, но нам-то от этого уже не легче...

А вообще-то, мы, землеройки, людям вреда не приносим, а вот пользу огромную, поедая множество насекомых-вредителей. Правда, попав на огород, можем своими ходами, гряды чуток разворотить, да ещё сёстры мои, кусторы или водяные землеройки, могут вредить рыбоводческим хозяйствам, поедая мальков рыб, но это уже мелочи.

Проговорив так на прощание (вернее, пропищав), землеройка-бурозубка в траву юркнула, так что я её сразу же из вида потерял. А потом...

Потом возле самых моих ног земля вдруг начала шевелиться. Представляете?! Я уж подумал, было, что землетрясение начинается и даже разволновался немножечко...